

Не зверь и не птица

Переиздание Багрицкого в свете проблем естественного права

Независимая. — 2001 — 15 дек. — С. 9

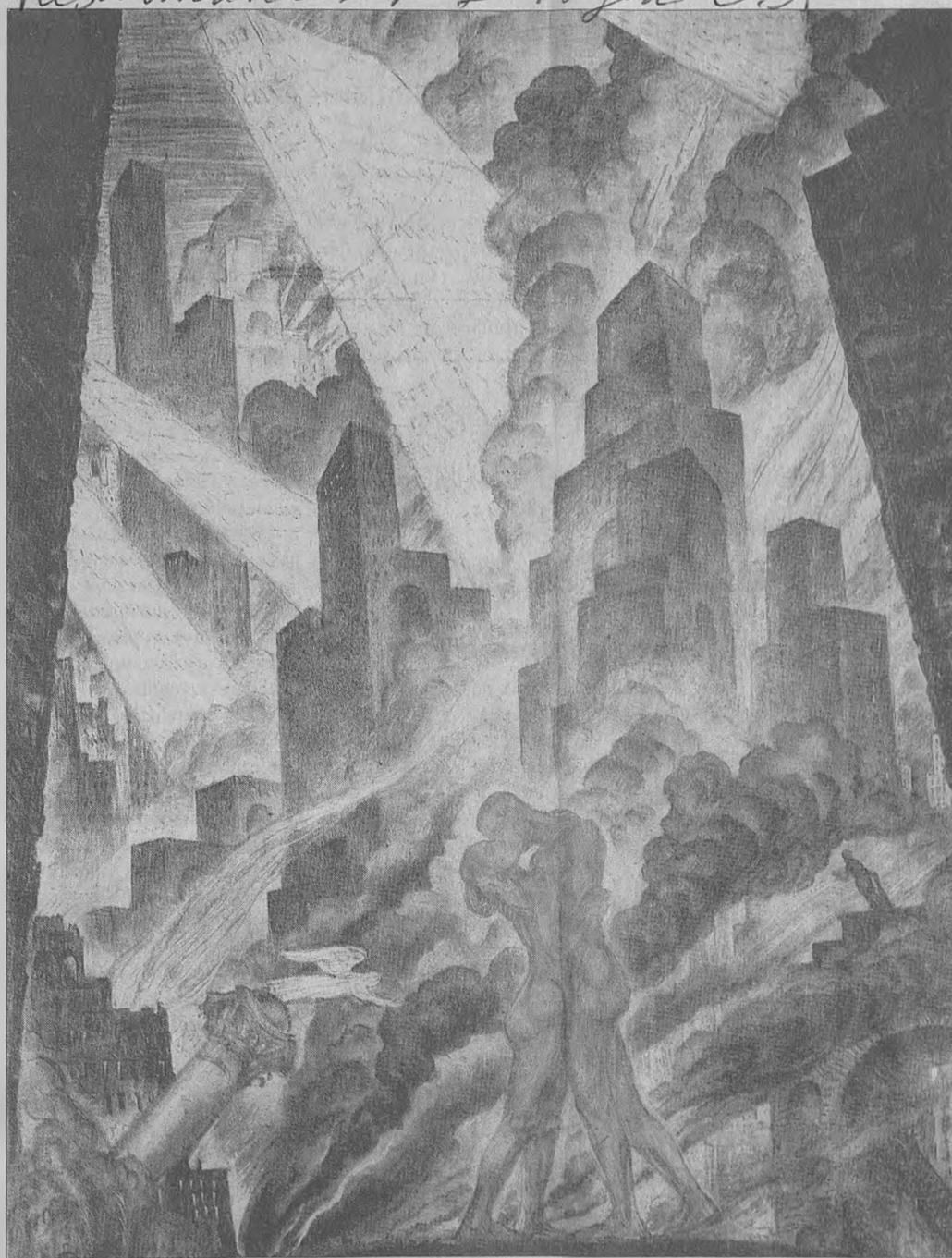
Владимир Александров

словами. Словом, такой нормальный советский поэт. Может, и не стоило его переиздавать? Тем более что с представительской точки зрения нынешнее издание сильно уступает предыдущему («Библиотека поэта», «Большая серия», 1964), а отличается, в общем-то, мало-выразительной статьёй Михаила Кузмина и фрагментом исследований Максима Шраера, которые опять-таки не вполне свободны от идеологического налета.

Однако Багрицкий все же почему-то удобен не вполне. Автоматически причисляемый к когорте комсомольских поэтов, он старше их примерно на десятилетие. Он ровесник Есенина, и относительно поздний его приход в литературу связан с географической отдаленностью Одессы от столиц. В Москву Багрицкий переехал в 1925 году — только с этого времени начинается его слава, пик которой приходится на конец 20-х — 30-е годы.

А потом его стали забывать. Хоронили поэзию Багрицкого под хорошо известный мотив — «Нас водила молодость / В сабельный поход...». Поэзия Багрицкого умирала так, как умирали его пионерка, его Опанас. Все они гибли, неспособные противиться мощному натиску упорядоченной силы: силы лозунгов, порядка, культа, организации. И сам Багрицкий уже по-смертно попал в опалу на все-сильной волне борьбы с космополитизмом. Но поэт Багрицкий слушал другой прибор. Его волны накатывали горлом и хребтом, будили голод и похоть: «Так бей же по жилам, / Кидайся в края, / Бездомная молодость, / Ярость моя!». Багрицкий умер молодым. Его поэтический дар нес в себе удивительную память о молодости мира. А мир старел на глазах и душил поэта.

Ранние стихи Багрицкого почти все крайне несамостоятельны. Тут вам и Гумилев, и Маяковский — стандартный набор молодого человека той эпохи. И вдруг в 1918 году Багрицкий перерождается. В одно мгновение он обретает свой голос: «Простое сердце древних / Вошло в тебя и расправляет крылья, / И ты заводишь боевую песню, — / Где грохот ветра и прибор морей».

Мир стареет и рушится, рушится и стареет. А естественный человек Багрицкого — вечно молодой. Мстислав Добужинский. Поцелуй. 1916 г.

Чуть позже Цветаева писала, что в России нет таких поэтов, у которых после революции не дрогнул бы и не вырос голос. Но, пожалуй, ни у кого он не вырос так, как у Багрицкого. На мой взгляд, Багрицкий проснулся запоздалым акмеистом. Подобно Сервантесу, возмечившему почивший в бозе рыцарский роман, Багрицкий возмечивший идею акмеизма, ибо наиболее ярко воплотил акмеистскую мечту о первочеловеке. В конце концов и Мандельштам, и Ахматова без акмеизма могли

бы обойтись, и обходились. Багрицкий — апофеоз теории. Если бы его не было, акмеизм должен был бы его выдумать. Другое дело, что к моменту звонкого дебюта Багрицкого в столице до акмеизма уже никому не было дела. Багрицкий запоздал с открытием на десять лет, что, впрочем, теперь, по прошествии восьми десятилетий, уже абсолютно не важно.

В лучших стихах Багрицкого очень трудно провести грань между нечеловеческим и собственно человеческим. В них вла-

ствует стихия животного познания жизни. Они излучают энергию, подобную той, с которой пробивается на свет юная поросль. Это поэзия рождения и выживания, познания и обретения. Так живут «Чтоб, волком трубя / У бараньего трупа, / Далекую течку / Ноздрями ощущать».

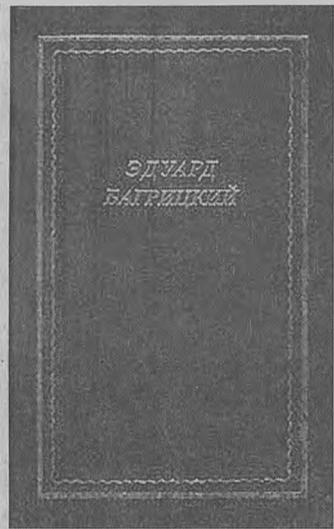
И, видно, иногда поэту становится страшно от этой жуткой неуправляемой энергии, и он вынужден оправдываться: «Но я — человек, / Я — не зверь и не птица...». Но если это чело-

век, тогда, быть может, он и есть тот недостижимый идеал естественного человека, о котором мечтали и Руссо, и Торо, и Толстой? И он действительно подобен ветхозаветным пророкам, ибо явился в этот мир одним из первых?

Что увидел Багрицкий в революции — неизвестно, известно, что услышал. Вслед за Блоком он услышал музыку революции, гул, ритм, неизбывный и навязчивый, пронзающий всю его зрелую поэзию. Ритмически Багрицкий очень однообразен, но, как ни странно, совершенно не надоедлив. Потому что его ритм — это ритм стихии, которой, по точному определению Пастернака, «не дано примелькаться»: «Чтоб волн запевал / Оготелый народ, / Чтоб злобная песня / Коверкала рот, — / И неть, задыхаясь, / На страшном просторе: / «Ай, Черное море, / Хорошее море!..».

Жить Багрицкий должен был «дыша и большевее». И если это, допуская, устраивало его как человека, как поэту было ему противопоказано. Поэтому и медитирует он, повторяя вслед за мертвым чекистом: «солги — солги, убей — убей». И все аплодируют вращению поэта в социализм, забывая о том, что стихотворение «ТВС» есть не что иное, как горячий бред туберкулезного больного. И дружно прославляют «Думу про Опанаса», в которой Багрицкий явно сочувствует бандиту и кровопивцу: Опанас — все тот же естественный человек, не ведающий, что говорит. При этом из всех достижений революции признается только одно естественное право — умереть за нее.

В знаменитой предсмертной поэме Багрицкого «Феираль» первобытный человек торжествует последнюю и окончательную победу. Отвергнутая любовь, обретение власти и месть — вот три составляющих сюжета этого произведения. Здесь нет ни социалистической законности, ни морального кодекса, ни прочих отличительных черт человека разумного. Есть только одна всенглобальная страсть: самоутверждение самца, продолжателя рода. И горе тому, кто окажется у него на пути. ■

Эдуард Багрицкий. Стихотворения и поэмы. Новая библиотека поэта. Малая серия. — СПб.: Академический проект, 2001. — 304 с.

Для того чтобы убить поэта, достаточно включить его в школьную программу. Знать будут все, читать — никто.

Пока поэзия Серебряного века находилась под негласным запретом, она служила неким паролем, благодаря которому интеллигенты опознавали друг друга. Советские поэты при сем присутствовали, но говорить о них было как-то неприлично. Их издавали, что весьма дурно их характеризовало.

Наступило новое время. Официальное признание Серебряного века сильно девальвировало его достижения в глазах общественности, но никак не отразилось на репутации советских поэтов. Их просто перестали печатать. «Новая библиотека поэта» благородно начала свой путь с издания Кузмина и Волошина, восстанавливая историческую справедливость по отношению к полузабытым классикам.

«Малая серия» «Новой библиотеки поэта» тоже начала вполне предсказуемо: с Шершеневича и Крученых. Вышел в свет Борис Садовской, готовятся Николай Минский, Бурлюки. И вдруг в этом замечательном списке появился Эдуард Багрицкий.

А как раз из школьной программы все мы помним, что Багрицкий — это то же «взвейтесь развейтесь», только другими